

Е.В. КЛИШОВА, к.э.н., доцент,
Донецкий национальный университет

ОБЩЕСТВЕННАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ

Проблема институционального строительства является фундаментальной для экономической системы любой страны, ключевой для формирования теоретической основы модели её экономического развития. Особо значимым и актуальным становится изучение закономерностей институционального строительства для транзитивных экономик, только создающих определённый хозяйственный порядок.

Совокупность институтов, приобретающая системное качество, выступает как опорная конструкция, как структура экономической системы, обуславливающая характер функциональных проявлений. Функционирование происходит посредством экономической деятельности хозяйствующих субъектов, которая стимулируется, узаконивается и направляется существующей системой экономических институтов. Любой феномен экономической жизнедеятельности имеет, таким образом, институциональную основу, табуирующую экономическое поведение субъектов. В этом смысле каждая формальная норма является экономическим институтом, и в русле экономического анализа вводятся правовые и социальные институты. Ограниченность исследовательской программы неоклассики состоит именно в концентрации внимания лишь на функциональном аспекте, на изучении деятельности хозяйствующих субъектов на микро- и макроуровнях. Исследование институционального каркаса экономической системы, детерминирующего и регулирующего функциональные проявления (и, в конечном счёте, качество и темпы экономического роста) оказывается возможным лишь в рамках институциональной исследовательской программы, посредством использования её методологии и инструментария.

Уяснение условий формирования институциональной основы экономической

системы и механизма её функционирования невозможно без привлечения категории экономической рациональности. Смена парадигм (исследовательских программ) экономической науки представляет собой последовательную смену модифицирующихся представлений о содержании рациональности, поскольку принцип рациональности составляет основу «жёсткого ядра» любой исследовательской программы. Становление современной институциональной парадигмы происходит в ходе обогащения неоклассической ортодоксальной трактовки рациональности достижениями институционализма как в области методологии, так и позитивных исследований.

Проблема экономической рациональности в силу своей значимости тем или иным образом затрагивается во многих публикациях, но количество работ, посвящённых исследованию собственно рациональности, не соответствует, по нашему мнению, степени важности проблемы. Из работ последнего времени можно выделить лишь переводы статей Г. Саймона и Р. Швери, статью Э. Калинина и Е. Чирковой [1], в которых излагаются авторские интерпретации экономической рациональности, не содержащие, однако, целостной концепции последней.

Целью статьи является анализ содержания индивидуальной и общественной ипостасей экономической рациональности, рассмотрение механизма формирования общественной рациональности в разных экономических системах и его особенности в транзитивной экономике.

С точки зрения структурно – функционального анализа в разработке мировой наукой проблемы экономической рациональности существует парадоксальное не-

© Е.В. Клишова, 2005

соответствие между большим количеством исследований, посвящённых анализу экономического поведения хозяйствующих субъектов – функционального аспекта рациональности, и почти полным отсутствием работ, сделавших объектом изучения сущность и структурные характеристики рациональности. Как правило, представление о последних сводится к дефиниции: субъект никогда не выберет альтернативу А, если ему доступна альтернатива В, которая для него предпочтительнее. Механизм формирования предпочтений субъекта и выстраивания их в определённой иерархии остаётся закрытым «чёрным ящиком» рациональности.

Тем не менее именно от анализа функционального аспекта начинается восхождение к сущности рациональности. Содержание экономического поведения (способа взаимодействия индивидов или их совокупностей с окружающей средой) составляет процесс многоступенчатого выбора, осуществляемого субъектом, - сначала - цели экономической деятельности, затем – средств её достижения, затем – механизма их реализации, и т. д. Если выбор как функция (зависимая переменная) определён предпочтениями индивида, то индивидуализированный набор предпочтений выполняет роль сущности, реализующейся в поступательном выборе – экономическом поведении индивида.

Представляется, однако, что трактовка сущности рациональности как данного набора предпочтений, детерминирующего выбор, ещё не означает вскрытия «чёрного ящика» рациональности. Остаётся неясным механизм формирования предпочтений и, самое главное, критерии их упорядоченности, выстраивания предпочтений в определённой иерархии.

Индивид – высокоорганизованное существо, поэтому критерий упорядоченности предпочтений не единственен и не одномерен. Совокупность критериев применительно к данному субъекту приобретает системный характер в силу целостности психики и организации индивида, единства его функциональных проявлений.

Важнейшей характеристикой структуры личности, по мнению психологов, является системная организация её индивидуальности. В ходе формирования системы критериев абсорбируется и интегрируется действие множества факторов, что обуславливает возможность смещения системы критериев под воздействием окружающей среды. Таким образом, экономическая рациональность выступает в качестве системы критериев формирования предпочтений индивида, определяющих характер его экономического поведения, которое изменяется по мере сдвигов в иерархии предпочтений. Подлинная экономическая власть состоит, как следствие, в приобретении средств воздействия на систему критериев предпочтений субъектов и выстраивания типизированных наборов предпочтений в конкретном порядке, что, в свою очередь, задаёт алгоритм экономического поведения, делает последнее достаточно предсказуемым и адекватным потребностям носителя власти. Последний избавляется, таким образом, от необходимости несения транзакционных издержек по постоянному контролю поведения подвластного контингента. Верховная власть, по С. Люксу [2,39], выражается в управлении мыслями и желаниями других.

Этимология рациональности, как и философская её трактовка, апеллирует к разуму как средству познания мира и адаптации индивида к условиям меняющейся окружающей среды. Разумное поведение индивида повышало его шансы на выживание в ходе естественного отбора, который Г. Беккер [3, 27] считает исходным пунктом формирования рациональности. Степень выживания возростала по мере монополизации пользования совокупностью экономических благ, по отношению к которым индивид реализует единство присвоенческой, воспроизводственной и охранной функций собственника. Воспроизводство объекта собственности осуществляется в ходе накопления, под которым мы понимаем оптимизацию пользования экономическими благами, посредством которой увеличивается их полезность

для индивида и возрастает возможность максимизации набора субъектных предпочтений. Таким образом, рациональность изначально индивидуальна в силу специфичности систем критериев упорядочения предпочтений и индивидуализации пирамиды потребностей. Индивидуальная рациональность составляет исходный уровень структуры рациональности, с которого начинается восхождение к более высоким уровням, методом познания которых становится метод агрегирования, привлекаемый из арсенала неоклассики.

Применительно к трактовке рациональности мы понимаем под агрегированием последовательное укрупнение критериев упорядочения предпочтений различных индивидов. Степень унификации критериев предпочтений определяет уровень рациональности: агрегированная рациональность индивидов, образующих фирму (по разным причинам, но все они предпочитают данную альтернативу другим), и общественная рациональность (все члены общества предпочитают максимизировать потребление одних общественных благ в ущерб другим). Степень агрегирования индивидуальной рациональности до уровня общественной (групповой или национальной) вообще возможна настолько, насколько возможной является унификация критериев предпочтений совокупности индивидов.

Материальной основой общественной рациональности является неделимость общественного потребления, совместное удовлетворение потребностей в определенных общественных благах (состояние окружающей среды, права собственности, развитие инфраструктуры, социальные гарантии и др.). От того, какое место в иерархии предпочтений каждого члена общества занимает потребность в этих благах (имманентные критерии упорядочения предпочтений), зависит устойчивость общественного организма любого уровня (фирма, государство), его способность к стабильному и эффективному функционированию. Таким образом, восхождение к общественной рациональности по мере

унификация критериев предпочтений членов общества формирует фундамент для совокупности институтов рыночной экономики, создаёт основу для строительства институциональной опорной конструкции рыночной экономики. Примером может послужить выдвижение на первый план в структуре предпочтений множества индивидов значимости утверждения рыночного способа организации взаимодействия производства и потребления, от которого зависит благополучие всего общества, и важнейшая социальная ценность – свобода личности. Другой пример – унификация критерия приоритета обороны Отечества в структуре предпочтений большинства индивидов в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны. От того, насколько прочен такой фундамент, зависит устойчивость и эластичность институциональной конструкции.

Исходным моментом формирования общественной рациональности М. Вебер полагал рационализацию экономического поведения индивидов под воздействием адекватной окружающей среды по мере обусловленности этого процесса их экономическими интересами. Однако механизм унификации критериев предпочтений дифференцирован в различных экономических системах в зависимости от способа его осуществления.

Классическим примером последовательной, идущей снизу унификации критериев предпочтений хозяйствующих субъектов является осуществление этого процесса в рыночной экономике. Наиболее полный анализ рационализации окружающей среды под воздействием рациональности хозяйствующих субъектов и обратного воздействия среды, закрепляющей определенные критерии предпочтений на генетическом уровне, был дан М. Вебером. Вебер выделяет «авантюристический» капитализм, который крайне неразборчив в методах и ориентирован на быстрое обогащение, выступающее как характерная черта милитаризированной экономики. [4, 356]. Ему противопоставляется рыночная экономика другого типа – «специфический

продукт современного европейского человечества», где произошла рационализация способа ведения хозяйства и управления им, возросла социальная роль науки как наиболее чистого воплощения принципа рациональности. Проникновение науки во все сферы жизни общества трактуется Вебером как проявление универсальной рационализации современного общества. Такой тип общества (то, что сейчас понимают под терминами «индустриальное» и «постиндустриальное» общество) принципиально отличается, по Веберу, от всех предшествующих ему.

Восхождение к общественной рациональности начинается с рационализации экономического поведения. «Его (индивида – Е.К.) общественное поведение может ...осмысленно соотноситься с другой сферой чужого поведения и с другими объединениями на основе согласия и общественного объединения. Чем многочисленнее ...сферы, на которые индивид рационально ориентирует свои действия, тем дальше заходит рациональная дифференциация общества; чем более обобществленными становятся по своему характеру его действия, тем большей степени достигает рациональная организация общества». [4, 532]. Таким образом, рост «единообразия в социальном поведении» [4, 634] Вебер объясняет тем, что «данный тип социального поведения, по существу, больше всего в среднем соответствует, по субъективной оценке индивидов, их естественным интересам, и что на эти взгляды и знания они ориентируют свое поведение ...чем более целерационально их поведение, тем более сходны их реакции на данные ситуации, - возникают единообразие, регулятивность и длительность установки...»[4, 634 – 635]. (Курсив мой - Е.К.). Итак, достижение «органической целостности всех мыслительных стереотипов» [5,72-73] происходит по мере формирования у индивидов в процессе их экономической деятельности идентичных реакций на определенные раздражители, единообразия стабильных установок, определяющих иерархию их предпочтений, реализующуюся

в экономическом поведении. «Общностное» экономическое поведение обуславливает появление привычек и укорененных обычаев (эманаций рассеянного экономического знания, по Ф. Хайеку [6,]), которые постепенно формализуются и узакониваются, становясь, в свою очередь, фактором детерминации экономического поведения. «Институты, в которых он (индивид – Е.К.) находит себя, выступают причиной и результатом его доверия», - подчеркнул Дж. Коммонс [7,5-8]. Все это в совокупности и составляет экономическую рационализацию общества, степень которой прямо пропорциональна степени унификации критериев экономических предпочтений индивидов. Следует еще раз подчеркнуть спонтанность и естественность процесса унификации критериев предпочтений в рыночной экономике, подчинённость этого процесса логике «невидимой руки» и обусловленность его содержания экономическими интересами индивидов, что не исключает, а предполагает определяющую роль государства в «экономическом воспитании нации», по определению Ф. Листа [8, 193]. В ходе последнего реализуется механизм обратного воздействия функции на структуру – привычные нормы целерационального поведения «вработываются» в структуру предпочтений индивидов. Это – важнейший институциональный механизм, обеспечивающий, в конечном итоге, консолидацию и эффективное использование всех видов экономических ресурсов. Содержание экономического воспитания индивидов составляет процесс постепенного восхождения нации к общественной рациональности.

Критерию максимизации экономической эффективности отвечает, безусловно, возрастание степени унификации критериев предпочтений членов общества. Рационализация общественного производства и всего бытия приводит к минимизации транзакционных затрат на предохранение от оппортунистического поведения, издержек по спецификации и защите прав собственности, ведению переговоров и др.

Более результативной становится экономическая политика государства, которая может ориентироваться на достаточно однородные критерии, определяющие шкалу предпочтений индивидов, а, следовательно, адекватность их ожиданий, предсказуемость действий и результатов последних. Нормативная этика становится, таким образом, инструментом координации действий индивидов, фактором снижения степени неопределенности в экономических отношениях между индивидами в условиях разделения труда, а, значит, фактором экономического роста. Появляется возможность стимулирования возникновения кластеров новых комбинаций и перемещения экономических ресурсов, что приводит к возрастанию общественной эффективности.

Сказанное позволяет интерпретировать известную теорему Коуза с позиций теории экономической рациональности: в отсутствие трансакционных издержек независимо от распределения прав собственности происходит последовательная унификация критериев предпочтений индивидов, т.е. приближение индивидуальной рациональности к общественной. Допустима и обратная формулировка: в условиях постепенной унификации критериев предпочтений индивидов в отсутствие трансакционных издержек возможность оптимизации конечной аллокации ресурсов не зависит от первоначального распределения прав собственности. В самом деле, моментальное принятие индивидом единственно верного решения (а это возможно в отсутствие затрат на получение и обработку информации) ведет к максимально эффективному перераспределению прав собственности по мере рационализации общественного производства. Последнее, как показано выше, возможно только по мере трансформации индивидуальной рациональности в общественную.

Сохранение высокого уровня трансакционных издержек либо их возрастание способствует, напротив, резкой дифференциации индивидуальной и общественной рациональности, что, в свою очередь,

провоцирует дальнейший рост трансакционных издержек. Действия субъектов всё менее согласованы и предсказуемы, уровень доверия между ними (в том числе и к государству) крайне низок, а уровень оппортунизма высок; распределение информации асимметрично, экономика, как следствие, весьма неэффективна.

Достаточно своеобразным выглядит процесс сближения содержания индивидуальной и общественной рациональности в системе традиционной экономики. Соблюдение определенных традиций и обычаев представляется абсолютному большинству хозяйствующих индивидов высшей ценностью, по сравнению с которой все прочие приоритеты перестают быть таковыми. Критерии предпочтений индивидов, следовательно, унифицированы по определению, изначально, «вработаны» в содержание индивидуальной рациональности на генетическом уровне. Таким образом, отсутствует временной интервал (весьма значительный), в течение которого происходит становление общественной рациональности в рыночной экономике. Предпочтения абсолютного большинства индивидов сразу выстраиваются в соответствии с заранее заданной системой критериев предпочтений, которая, в свою очередь, подчинена задаче поддержания традиций как фундамента жизнедеятельности общества. Как следствие, в такой экономической системе достигается максимальный уровень унификации критериев предпочтений хозяйствующих индивидов, а, значит, форм их экономического поведения и адаптивности ожиданий. Несомненным результатом такого положения является снижение трансакционных затрат и максимальное приближение индивидуальной рациональности к общественной.

В таком случае, как следует из вышесказанного, темпы экономического развития страны должны были бы быть весьма высокими. Однако страны традиционной экономики, как показывает практика, не только не опережают в своём развитии страны рыночной ориентации, но настолько отстают от них по темпам экономиче-

ского роста, насколько любая коммуни-тарная структура отстаёт в своём развитии от субсидарной. Причина такого, на первый взгляд парадоксального явления, заключается в диаметральной противоположности последовательности процессов формирования общественной рациональности в рыночной и традиционной экономических системах. Если в рыночной экономике (субсидарная структура) происходит постепенное длительное восхождение от индивидуальной рациональности к общественной, то в традиционной экономике (коммуни-тарная структура) первичной оказывается общественная рациональность, в зависимости от содержания которой формируется индивидуальная рациональность. Подавление личностного начала, «окостеневание» системы критериев предпочтений субъектов, которая не подвергается адекватным изменениям под воздействием динамичной окружающей среды, отсутствие критерия экономической эффективности приводит к тому, что традиционная экономика не генерирует, как рыночная, достижения технического прогресса, а отторгает их постольку, поскольку внедрение новаций в экономическую практику противоречит принятым традициям и обычаям. Таким образом, отсутствует материальная основа экономического роста, и высокая степень унификации критериев предпочтений индивидов не обеспечивает того макроуровневого экономического эффекта, величина которого в рыночной экономике пропорциональна степени общественной рациональности. Экономический результат возрастания уровня общественной рациональности оказывается заданным способом его получения, а цель, как видим, не безразлична к способам её достижения.

Механизм формирования общественной рациональности, имманентный командной экономике, основан на использовании обратного воздействия функции на структуру – устоявшийся стереотип экономического поведения трансформируется в стереотип сознания, провоцируя адекватные сдвиги в системе критериев

предпочтений большинства индивидов. Включение механизмов наследственности закрепляет типизированную систему критериев предпочтений на генетическом уровне. Для получения такого результата достаточны два условия: во-первых, индивид помещается в узкий «коридор» формальных и неформальных (сознательно культивируемых пропагандой) норм, за нарушение которых следуют весьма жёсткие санкции: от экономических потерь до общественного ostracism. Возможность образования такого «коридора» норм, посредством которого осуществляется экономическая власть правящей элиты, обусловлена монополизацией пользования основными общественными ресурсами в результате узурпации адекватного «пучка» прав собственности. Необходимо, во-вторых, определённый временной интервал, достаточный для формирования унифицированной системы критериев предпочтений. Нужно, чтобы выросло хотя бы одно поколение, не ведающее о существовании иных норм и воспринимающее внедрённую типизированную систему критериев предпочтений как единственно возможную. На основе такой «радостно принимаемой зависимости» [9,16] базируется функционирование коммуни-тарных, коллективистских структур командной экономики, в которых гипертрофируется удовлетворение общественных потребностей в ущерб индивидуальным. Эта ситуация, невозможная в условиях рыночной экономики, постоянно и естественно воспроизводится в условиях командной.

Благодаря максимальной унификации систем критериев предпочтений большинства индивидов и минимизации трансакционных затрат в результате преобладания коммуни-тарных структур, экономика получает колоссальные возможности для резкого рывка в экономическом развитии, потенции которого иссякают, однако, в краткосрочном интервале. Это связано как с неизбежным возрастанием трансакционных затрат (разбухание бюрократического аппарата по мере усложнения структуры экономики в отсутствие рыноч-

ных регуляторов и необходимость содержания карательного и пропагандистского аппарата), так и с низким качеством принимаемых хозяйственных решений и кумулятивным эффектом возможных ошибок. Большое значение имеет возрастание степени оппортунистического поведения индивидов по мере реализации эффекта «завистливого сравнения» (известный термин Веблена [10, 121]) по отношению к субъектам других обществ. Это ставит под вопрос само существование системы, ибо модификации функции могут спровоцировать изменения в структуре, т.е. сдвиги в системе критериев предпочтений субъектов и последующее снижение степени их унификации. Основание институционального каркаса системы по мере снижения степени общественной рациональности всё более разрушается, определяя неизбежность краха всей системы, который является только вопросом времени. Ни одна экономическая система не может существовать длительное время и, тем более, демонстрировать высокие темпы экономического роста в отсутствие критического уровня общественной рациональности. Важнейшим фактором распада системы является кумулятивное обострение конфликта между трансформировавшейся системой критериев предпочтений индивидов (иным качеством индивидуальной рациональности) и прежним «коридором» норм. Кардинальное изменение совокупности норм и составляет содержание переходного периода, а состояние экономической системы в соответствующем временном интервале получило название переходной экономики.

Восхождение к общественной рациональности в переходной экономике регулируется, как следствие, качеством внедряемых формальных норм (под которыми мы понимаем степень экономической ориентированности нормы), оптимальной их соподчинённостью, способностью власти к контролю за соблюдением индивидами совокупности норм (обеспечению достаточно жёстких и неотвратимых санкций за нарушение нормы). Но главную роль в форми-

ровании общественной рациональности играет адекватность новых формальных норм совокупности имманентных неформальных норм, отражающих характерные для множества индивидов системы критерии предпочтений, т.е. индивидуальную рациональность. Разновекторность и противоречивость формальных и неформальных норм может существенно затруднить и удлинить период восхождения к общественной рациональности.

Институциональным выражением конфликта индивидуальной рациональности и формальных норм являются многочисленные институциональные ловушки (ИЛ), характерные для переходной экономики, и представляющие собой самоиндукцию неэффективной нормы, сопряжённой с другими нормами и оказывающую на них деструктивное воздействие. В такой ситуации существенно ограничивается экономическое развитие и ставится под вопрос возможность экономического роста. В качестве исходной нормы ИЛ может выступать как формальная, так и неформальная норма, отторжение которой было бы неизбежно в свободной рыночной экономике. В переходной экономике образование ИЛ происходит вследствие легитимизации неэффективной нормы заинтересованным в её сохранении носителем экономической власти, использующим для этого асимметричную и дозированную информацию, коррупцию, непропорциональное распределение налогового бремени и др.

Базой для образования множества кумулятивно взаимодействующих ИЛ в переходной экономике Украины является произошедшая в ходе приватизации узурпация прав собственности на специфические и интерспецифические ресурсы бывшей партийно-хозяйственной номенклатурой, в результате чего сформировалась экономически неэффективная и социально нелегитимная структура собственности. По мере максимизации индивидуальной полезности субъектами собственности всё большая часть доходов, получаемых от функционирования объектов собственно-

сти, трансформируется в экстерриториальные ресурсы, включённые в мировой мобильный транснациональный финансовый капитал, ускользающий от общественного контроля, от любого вида «деспотизма» национальных норм. Отток значительной части финансовых ресурсов сужает материальную основу общественной рациональности, субъекты собственности на эти ресурсы всё более превращаются в «граждан мира», обладающих правом и возможностью свободно кочевать по миру вслед за мигрирующими в поисках наиболее выгодного применения финансовыми ресурсами.

В ходе рационализации экономического поведения собственниками транснационального капитала индивидуальная их рациональность всё более наглядно дифференцируется по сравнению с системами критериев предпочтений основной массы индивидов (обратное воздействие функции на структуру), т. е. развивается процесс, противоположный агрегированию. Фундамент институционального каркаса экономической системы Украины становится всё более шатким, а совокупность ИЛ, возникающих на этой основе, тормозит процесс унификации критериев предпочтений, лишая импортируемые институты их фундаментальной, естественной для рыночной экономики основы общественной рациональности. Важнейшей для экономической науки Украины задачей становится, таким образом, изучение сущности, механизма и возможностей ускорения процесса формирования общественной рациональности.

Литература

1. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления. // THESIS.- 1993.- Вып.3.- Т.1.; Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики.-1997.-№7.; Калинин Э., Чиркова Е. Концепция постклассической экономической рациональности.// Вопросы экономики. –1998. -№5.
2. Lukes S. Power : A Radical View.- London: Macmillan, 1974.
3. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение. // THESIS.- 1993.- Вып. 1.
4. Вебер М. Избранные произведения. -М.: Прогресс, 1990.
5. Veblen T. Why is Economics not an Evolutionary Science? – Цит. по: Тарасевич В. Институциональная теория: методологические поиски и гипотезы.// Экономическая теория.- 2004.- №2.
6. Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия. //Мировая экономика и международные отношения. – 1989. - №12. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок.- М.: Изограф, 2001.
7. Commons John R. Institutional Economics. American Economic Review 21, no. 4, December 1931.
8. Лист Ф. Национальная система политической экономии. - СПб, 1891.
9. Кутуев П. Рациональный капитализм в Украине: между мифом и реальностью. // Социология: теории, методы, маркетинг. -1999.- №2.
10. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс. 1984.

Статья поступила в редакцию 24.01.2005